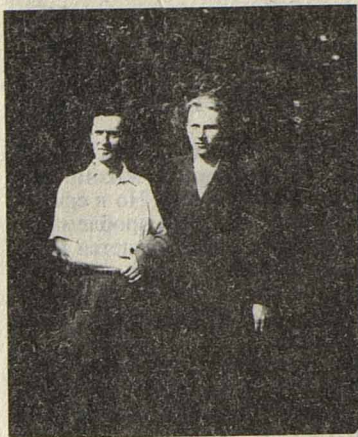

РОЯЛЬ СКРЯБИНА, ТЕНЬ СОФРОНИЦКОГО И РУССКИЙ МУЗЫКАНТ ПАВЕЛ ЛОБАНОВ

«А какая разница - играть на рояле Скрябина или на другом, разумеется, хорошо, рояле не столь известных или вовсе неизвестных владельцев?» - неожиданно спросил мой очень разумный собеседник, не причисляющий себя к музыкальным кругам, но тайно сознающий неподвластность чисто художественных ощущений расхожим представлениям о человеке-хозяине и предметах, что его окружают и обслуживают.

Речь шла о взволновавшем меня концерте в музее А. Н. Скрябина, где играл сочинения Скрябина и Шопена на скрябинском рояле Павел Васильевич Лобанов - уже отметивший свое семидесятипятилетие пианист, тонкий исследователь проблем исполнительства, редкий музыкант с дарованием еще и инженера в области звукозаписи (именно ему мы обязаны сохраненными на пленке бесценными записями уроков Генриха Густавовича Нейгауза и Владимира Владимировича Софроницкого). Вопрос показался не столь наив-

ным. И вправду, какая разница, на чьем рояле играть? Тотчас припомнилось, как однажды мне посчастливилось несколько минут поимпровизировать на рояле Листа в его доме в Веймаре, а в другой раз играть на инструменте, некогда принадлежавшем Вильгельму Фуртвенглеру: в те минуты я испытал волнение, мало с чем сравнимое.

Помню, как гордился талантливейший отечественный музыкальный критик Матиас Сокольский тем, что в его комнате в общей квартире в одном из арбатских переулков стоял рояль, унаследованный от Владимира Горовица (они были друзьями еще по Киеву). А Святослав Рихтер никогда не забывал, как в молодые годы занимался у художницы Анны Ивановны Трояновской в Скатертном переулке на рояле Николая Метнера...

Так чем же прекрасен миг прикосновения к историческому инструменту, даже не отменным звуковым качествам? В сущности, только одним - духовным сопряжением с историческим временем и исторической личностью в нем; перенесением во времени: себя в историю, истории - в день нынешний. И все это случается, происходит в единый миг - миг художественного свершения и обретения внутреннего совершенства.

Всем известно и еще многим памятно, как играл на рояле Александра Николаевича Скрябина в его московской квартире Владимир Софроницкий. Концерты эти вошли в легенду.

Павел Лобанов - ученик Софроницкого и даже, в каком-то смысле, его духовный восприимчив. Пребывание в «кругу Софроницкого» не могло обеспечить Лобанову участия в престижных международных кон-

курсах и, как следствие, сколько-нибудь широкой артистической карьеры концертанта-виртуоза (в этом преуспел его сын - известный пианист и композитор Василий Лобанов, ныне профессор Высшей школы музыки в Кельне).

Но жизнь в этом кругу воспитала Лобанова-старшего (строго сообразно структуре и всему складу его художественной личности) уникальным музыкантом в самом, что ни на есть, «духе Софроницкого», сделала его носителем этого вознесенного духа.

Павел Лобанов органически, естественно длил ту особенную линию русской культуры, что олицетворяет собой в новейшие времена изумительную тонкость чувствования и простоту художественного «слога». Само же «высказывание» звучит в атмосфере таинственной неизбывной печали, историческая пронзительная нота русской неподдельности.

Странное и волнующее возникает чувство, когда в гостиной скрябинского дома, за клавиатурой скрябинского рояля видишь и слушаешь человека, давно и хорошо знакомого, искренно и глубоко тобой и многими-многими в московской музыкальной жизни почитаемого и все-таки неожиданно нового, незнакомого, будто «выступившего» из своих каждодневных пределов и очертаний. Уже очень напоминал в эти минуты Павел Лобанов своего учителя - безо всякой подражательности, пусть и овеянной любовью в незабываемому. Видно, сумел внушить гениальный Софроницкий своему достойному ученику и молодому другу нечто бесценное, что и является содержанием безответного, поистине толстовского вопроса: «Что такое искусство?»...

Почти чудесно было ощутить присутствие в зале великих теней Скрябина и Софроницкого. Тень композитора являла сама его музыка, исторгнутая роялем и подвижником-исследователем его музыки, талантливо и неброско сумевшим «высказать в звуке» Скрябина, а затем - во втором отделении - и Шопена.

Тень Софроницкого вместе со всеми в этой знакомой комнате согласно внимала открывавшемуся в музыке внутреннему состоянию артиста, познавшего радость постоянства в своем личном художественном существовании.

Из сочинений Скрябина Павел Васильевич избрал для своего знаменательного концерта Прелюдию №1 из оп. 37, три Этюда оп. 8 (№№11, 4, 5), пять Прелюдий из оп. 16, две Прелюдии из оп. 11 (№№9 и 10), Поэму оп. 32 №1, Вальс оп. 38 и сыгранный на бис «Листок из альбома» оп. 45 №1.

Шопен был представлен в концерте тремя мазурками (оп. 67 №4, оп. 63 №3 и №2), Ноктюрном оп. 9 №2 и первым Скерцо оп. 20.

Неожиданно Шопен зазвучал у Лобанова как естественное продолжение Скрябина. Разумеется, история развивалась в иной последовательности. Но у каждого своя история, и каждый художник прорастает в глубину из своего времени и из своего начала. Художественный человек рождается в своем кругу и, насколько хватает дарования и душевных сил, хранит незабываемое.

Павел Лобанов из круга Софроницкого и своего времени. Музыка его любит.

Андрей Золотов

Лобанов Павел
Васильевич

(№2). 02.03